

Я не очень хороший человек. Я старался быть одним из них, но, к сожалению, я жил в очень беспокойное время, время перемен, прогресса и больше всего – смерти. Я твёрдо верил в гуманизм, в улучшение и спасение мира. Я верил книгам моего детства, которые рассказывали мне истории о великих инженерных достижениях, о покорении дикой природы, плавании по небу и изменении формы морей. Я был идеалистом и жил ради цели, мечты – улучшения жизни всего человечества. Это была мечта, которая разбилась вдребезги, когда те, кто был у власти, предали нас.

Наши лидеры не следовали пропаганде, которую они внедряли в сердца и умы детей и граждан СССР, таких как я. Они говорили о том, чтобы принести мир во всём мире, в то время как они приказали построить пятьдесят тысяч ядерных боеголовок. Скольких людей могли накормить эти боеголовки? Сколько красивых дорог, больниц и школ можно было бы построить на эти деньги?

Но я не могу винить во всём советское правительство. Возможно, мечта, которой мы следовали, с самого начала была ошибочной. Сами принципы большевизма требовали смерти любого, кто выступал против, и миллионы жизней, которые потребовались, чтобы заложить фундамент СССР во время шестилетней Гражданской войны, преследовали нашу сверхнацию до самого её конца.

Я сам виноват. Не осознавая этого, одна докторская степень за другой, один успех в области биохимии и вирусологии за другим, и я стал главой Аральска-7, сверхсекретного советского объекта, который работал, чтобы научиться управлять самой смертью.

Сам того не желая, я стал крошечной шестерёнкой в механизме войны, которую когда-то мечтал предотвратить. По приказу тех, кто был выше меня, я закончил тем, что работал на военной базе на острове Возрождения, руководя разработкой нового биологического оружия. Многие учёные, подобные мне, самые яркие звёзды, воспитанные СССР, были пойманы в ловушку живого проявления, которым был наш Союз. Мы все оказались в ловушке красивой лжи, парадокса, где мы сеяли смерть, в то время как пропагандистские плакаты вокруг нас провозглашали: «Рабочие всего мира объединяются, чтобы принести мир всему человечеству». В конце концов, никто из нас не мог честно сказать друг другу, почему мы сделали то, что сделали.

Я выглянул из окна своей лаборатории на умирающее Аральское море. Ржавые, заброшенные корабли торчали из пустыни, которая когда-то была морским дном.

В 1960 году мы отвели местные реки для орошения полей Казахстана, и всё вокруг острова Возрождения медленно высохло и превратилось в мёртвую зону соли и пустыни, что вызвало массовые песчаные бури по всему району. Газеты 90-х годов называли это «одной из самых страшных экологических катастроф на планете». Они не ошиблись.

Мне показалось ироничным, что лаборатория, производившая смерть, находилась на острове в море, которое мы по глупости убили. Более того, русское название острова... оно тоже было

полно иронии!

— Я передаю это последнее сообщение с центральной радиовышки Аральска-7 всем, кто готов слушать, потому что мне больше нечего и нечего бояться. Возможно, некоторые будут приветствовать меня как героя. Знайте это, такие люди, как я, не заслуживают похвал – я всего лишь исправляю свои ужасные ошибки, рассказывая о том, чего люди не знали. Используя силу атома, СССР вызвала Чернобыльскую катастрофу – самую страшную ядерную катастрофу в мире. Взрыв четвёртого реактора Чернобыля создал зону отчуждения площадью 2600 км<sup>2</sup> в Украине и распространил облако радиации до Шотландии. Это было в 1986 году. Сейчас 1992 год, и, скорее всего, произойдёт нечто столь же ужасное, если я не буду стоять на своём. Если только я не сделаю то, что должно быть сделано, чтобы уничтожить моё наследие.

Я опустил микрофон и посмотрел на выцветшую, потрескавшуюся мозаику с изображением Юрия Гагарина, первого человека, которого мы отправили в космос. Юрий смотрел на меня со стены Лаборатории вирусных исследований, его рука была поднята к небу, как будто он пытался запечатлеть сами небеса. Символ СССР, знаменитые серп и молот, был встроены в потрескавшуюся шестиугольную мозаику с позолоченными плитками. Он сиял над Юрием, как будто это была сердцевина ядерного реактора, который пытался облучить весь мир Божественными благословениями славных принципов коммунизма.

— Прости, Юра. Мы всё про\*\*али, – проговорил я, мой голос дрогнул. Палец дрожал на спусковом крючке ракетницы, нацеленной на многочисленные мешки из мешковины у меня под ногами.

В лаборатории биологического оружия сейчас не было людей. Её залы, которые когда-то были заполнены врачами, ассистентами и различным персоналом, теперь были пусты. Советский Союз пал, и его величайшие достижения и почести теперь ничего не значили. Различные блестящие медали, которые я получал от многочисленных генеральных секретарей того времени, ничего не значили. Мой банковский счёт был практически обнулён из-за резкого падения курса советского рубля. Буквально на прошлой неделе я видел, как солдаты несли миллионы рублей, чтобы их закопали в шахте неподалёку, и тогда я понял, что всё кончено. Миллионы! Теперь они стоят меньше, чем бумага, на которой они были напечатаны.

Один из солдат подарил мне сумку с деньгами из грузовика в качестве «прощального сувенира». Пакет со ста тысячами рублей теперь стоял в углу, насмехаясь надо мной. Я посмотрел на него и вспомнил, как моя мама в 1950 году изо всех сил пыталась накопить пятьдесят рублей в стеклянной банке, чтобы купить нам что-нибудь вкусненькое. Это было душераздирающе.